ВЕРА

Колочкова

Дети Афродиты

Вера Александровна Колочкова

Дети Афродиты

Серия «Секреты женского счастья. Проза Веры Колочковой»

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9361558
Дети Афродиты : Эксмо;
ISBN 978-5-04-173804-4

Аннотация

Библиография Веры Колочковой насчитывает более 40 романов, многие из которых уже воплощены на экране. Любовь к автору вполне объяснима, ведь она пишет об обычных людях, которые стремятся к лучшей жизни и борются за собственное счастье. Простые и чувственные, увлекательные и романтичные, романы Колочковой задевают за живое, заставляя сопереживать и радоваться героям как своим знакомым.

Хоть и не знала Ольга своих отца и матери, а все же считала, что судьба ее сложилась удачно. Вырастила ее любимая бабушка, семейная жизнь до поры до времени складывалась счастливо: дочь замужем, работа, зарплата – все не хуже, чем у людей, а во многом даже и лучше. Придраться не к чему. Но задуматься есть о чем. Не научилась Ольга прощать – вот беда! Не может простить мужа, с которым жили душа в душу, пока тот не оступился

по глупости. Не может простить подругу, которая по слабости позарилась на чужое. Однако труднее всего, как окажется, ей будет простить свою мать, которую она и не знала вовсе…

Авторская серия Веры Колочковой. Автор уже завоевавший симпатии читательниц. По романам Веры Колочковой снимают сериалы, она, как никто другой, может открывать самые потаенные движения человеческой души.

Вера Колочкова
Дети Афродиты

Секреты женского счастья

ПРОЗА

Веры Колочковой

Художественное оформление серии А. Дурасова.
Редактор серии В. Горюнова.
© Колочкова В., 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Наконец-то встретила
Надобного – мне:
У кого-то смертная
Надоба – во мне.
Марина Цветаева.
Стихи сироте

Послеобеденное июньское солнце лукаво скользнуло сквозь полоски жалюзи, пробежало по серьезным лицам, вспыхнуло в камешке колечка на Ольгином пальце. Она даже подвинула ладонь в сторону от солнечного луча – показалось, камешек сверкнул неким вызовом. Не к месту, как говорится, и не ко времени. Хотя камешку все равно, где и как вспыхивать и сверкать. И какие кругом лица, тоже все равно, он своей жизнью живет, горделиво равнодушной. Даже песенные призывы девушек, которые его лучшим другом считают, ему тоже по большому счету – тьфу… Пойте, если хотите. Тоже, друга нашли…

Ольга вздохнула – ее-то как раз к разряду поющих девушек не отнесешь. А жаль. Вот было бы хорошо – дружить с камнями и одной этой дружбой вполне довольствоваться. И не хотеть больше ничего. И не рефлексировать на все остальное, что добывается кровавыми душевными мозолями для того только, чтобы считать себя какой-никакой личностью.

Нет, и впрямь жаль, что камешек не друг, а просто случайная радость. Даже не радость, а так, маленькое развлечение. Тем более, если в каратах смотреть – далеко не «вау».

Зато цвет какой… И чистота, и огранка… Видно, что Иван старался, когда подарок выбирал. Сволочь Иван. Предатель Иван. И вообще, зачем, зачем она это кольцо надела? Лишний раз болью себя с толку сбить? Про Ивана вспомнить? Зачем?!

Снять это проклятое кольцо, что ли? Как-нибудь незаметно? Ладно, потом… После совещания. Тем более, Татьяна через стол на нее внимательно смотрит, смеется глазами – погляди, мол, как наш Маркуша сегодня разбушевался…

А Маркуша и впрямь разошелся, понесло его ввысь, точно орла в поднебесье. Сначала напал на главного инженера, потом прошелся по начальнику отдела эксплуатации, да так, что у бедолаги глаза стали похожи на табло, в котором несутся строчки заявления на увольнение по собственному желанию. Новенький потому что, не привык еще. Ничего, закалится со временем. Научится кувыркаться в пустом Маркушином гневе. Неприятно, конечно, но и шибко не обжигает. Скорее, Маркушин гнев похож на сказочное кипящее молоко, глядишь, и выскочит из него новенький писаным красавцем. А что? Выстраданная в таком котле достойная зарплата из любого замухрышки способна красавца сделать. Всяких тут повидали, знаем.

– …И я еще раз повторяю для тех, кто не понимает! В нашем портфельном пакете на сегодняшний день присутствуют только высоколиквидные проекты, расположенные на лучших площадках города. Наша фирма фуфлом не за-

нимается. А если кто все-таки понимать не желает, будьте уверены, что я умею расставлять кадровые акценты. Или мы работаем, господа, или расстаемся без выходного пособия!

Опять они с Татьяной переглянулись. Одинаково чуть сморщили губы, одинаково чуть выпучили глаза – о, о, как страшно… Боимся, боимся тебя, зверь Маркуша. Ольга закатила к потолку глаза, Татьяна наклонила голову, пытаясь скрыть легкий смешок на выдохе. Правильно про них Маркуша сказал, будучи сильно пьяненьким на последнем корпоративе – «все-таки сволочи вы, девки, обе две сволочи…»

Может, и прав ты, Маркуша. А только куда ты без нас, без девок, которые «обе две сволочи»? Ты без нас, друг Маркуша, и шагу не ступишь. То есть без уважаемого финансового директора госпожи Ромашкиной Ольги и уважаемого главного бухгалтера Яблонской Татьяны. Женщин не так чтобы сильно добрых, зато умных и прозорливых, в отличие от тебя, дорогой наш Маркуша. То есть уважаемый генеральный директор господин Марк Орлов. Орел ты наш, царь-батюшка. Немного глуповатый орел и отчасти недалекий, но это ничего. Терпимо по большому счету. Зато ишь, как распекать подчиненных научился, пыжиться гневом праведным. Ой, боимся, боимся.

– Вот это что вы мне подсунули, что?

Маркуша трагически потряс в руке пластиковую папку с документами, потом плюхнул ее на стол и брезгливо отпихнул от себя. Папка резво проехалась по столу, сунулась в

руку новенького начальника отдела эксплуатации и замерла, как испуганный щенок.

– Это… Это графики первых этапов работ… – проблеял несчастный начальник отдела эксплуатации.

– Я понимаю, что это графики! А сроки? Что там за сроки? Откуда вы их взяли, с какого потолка?

– Ну почему – с потолка… Там же все расчеты есть… – на последнем вздохе испуганной обиды пролепетал бедолага, пробежав быстрым взглядом по лицам присутствующих. Не обнаружив на лицах поддержки и понимания, пожал плечами, тем самым выражая крайнюю степень недоумения, тоже весьма испуганного.

Ольга опять вздохнула, глянула на Татьяну, подняла домиком брови. Они давно научились понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда. И сейчас ее «домик бровями» означал только одно – жалко, мол, парня, правда? Татьяна в ответ дернула уголком рта, что означало – не бери в голову… Нечего его жалеть, сам переморгается. Мужик все-таки. Крепче будет.

Наверное, Татьяна права… Чего их жалеть-то? Пусть сами себя жалеют. И вообще, Марку-ши бояться – в лес не ходить. Если ты, мужик, то есть новенький начальник отдела эксплуатации, с головой дружишь, значит, сам во всем разберешься. У нас тут, дорогой новенький, все как в стишатах поэта Вишневского – «чем незначительнее фирма, тем генеральнее директор». А если ты такой же недалекий, как наш

генеральный директор, значит, туда тебе и дорога…

И вообще, чего это она на Маркушу ругается, хоть и в мыслях? Нет, нельзя на Маркушу ругаться. И обижаться тоже нельзя. Потому что грешно. Маркуша не виноват, что на нем природа отдохнула. Зато, ни много ни мало, в Гарварде учился, не абы где! Правда, до победного конца Маркуша тех «гарвардов» не осилил… Ни толку, ни ума не хватило, пришлось на родине высшее образование завершать. Помнится, как он заявился в сентябре к ним в группу на четвертом курсе политехнического, весь из себя гордо американский, хоть и не оправдавший родительских надежд на «то» образование… Какой это был год? Девяносто пятый, кажется. Ну да. Им, нынешним сорокалетним, всем тогда чуть за двадцать было.

Поначалу Маркуша сильно важничал, особняком в группе держался. Пока Вовка Васильев ему под дых не дал. Вовка – он такой был… Умный и смелый. А умным и смелым в те годы как-то не очень везло. Потому что смелость – да, очень была востребована, а ум только после наглости в рейтинге человеческих ценностей значился. Смелость плюс наглость получается успех. А смелость плюс ум… Тут уж как повезет. Зато таким, как Маркуша, даже везения не требовалось, потому что мамка и папка стояли за спиной вместе с накопленным нагло-начальным капиталом. Хорошо, хоть Вовке хватило ума после проявленного знака внимания, то есть памятного удара «под дых», с Маркушей намертво зад-

ружиться. Так после института вместе и работать начали. То есть Вовка «работал», а Маркуша «руководил». Эта фирма – уже пятая у Маркуши… Правда, без Вовки. Вовка давно материально окреп и в свое плавание ушел. А вместо себя ее порекомендовал, все-таки однокашники, свои люди. Так и сказал – Олька Ромашкина тебя не подведет, доверься ей… Баба умная, прозорливая. Теперь она, стало быть, вместо Вовки с Маркушей нянькается, вся из себя умная и прозорливая. Вернее, не с Маркушей, а с тем самым нагло-начальным родительским капиталом… Хотя одно от другого неотделимо, конечно же. То есть в комфортных условиях вполне даже сочетаемо.

Нет, Вовке спасибо, конечно. Маркуша свое свадебно-генеральское положение очень даже осознает и в зарплатном смысле щедр до неприличия, тут уж без обид. Золотое место. Золотой Маркуша. И пусть гневается на здоровье, жалко, что ли. Ой, боимся, боимся…

Ага, выдохся гневом, замолчал, но тоже весьма многозначительно. Вон, как лоб крутыми бугорками скукожил. На лице – вдохновенная усталость от непробиваемой глупости подчиненных. Бедный, бедный Маркуша. Совсем умотался. Сейчас наверняка про новый проект начнет вопрошать. И страшно гневаться. Всему свое время, и для вопросов, и для гнева тоже. Знаем, привыкли уже. Все по регламенту. А там, глядишь, и заканчивать можно будет эту бодягу.

– Так… А что у нас с новым проектом? Кто-нибудь может

дать хоть какую-то вразумительную информацию?

Тишина. Маркуша обвел грозным взглядом лица. Все прижали уши, сидят, столешницу изучают. Вот главный инженер мазнул по Ольгиному лицу рыбьим взглядом, вот Татьяна посмотрела удивленно – чего, мол, паузу тянешь? Давай уже, выступай. Реплика брошена, пора. Твой выход из-за печки, госпожа финансовый директор Ольга Ромашкина!

Ну что ж, пора так пора… Хотя нет, пусть Маркуша сам попросит, нечего его баловать. Тем более, и докладывать по новому проекту особо нечего. Минус на минус, получается дырка от бублика, а не проект.

– Ольга Викторовна… Вы не слышали, что я спросил?

– Слышала, Марк Андреевич.

– Ну… И что? У вас есть какие-то соображения? Или предложения? Почему я должен все силой вытягивать?

– Да, Марк Андреевич, извините. Есть у меня и соображения, и предложения. Но я бы хотела… Можно я после совещания вам доложу? Хотелось бы приватно. Понимаете, там имеются определенные нюансы…

Марк слегка дернулся, капризно повел плечом. Но лицо таки на долю секунды выскочило из привычного рассерженного состояния, в глазах мелькнуло смятенное беспокойство. Нет, не за судьбу проекта – еще чего! Уж она-то знала характер этого беспокойства. Ох, Маркуша, Маркуша… Зря паникуешь, сиди спокойно. Никто и не думает посягать на твое генеральское генеральство. Нешто не понимаем…

– Хорошо, Ольга Викторовна. Если вы так ставите вопрос, я готов вас выслушать. Прямо сейчас. Итак, совещание закончено. Ольга Викторовна остается, остальные свободны!

Ох, как «остальные» подскочили со стульев, как резво рванули на выход, образовав неприличную сутолоку в двери! А новенький – молодец. Сохраняет остатки оскорбленного достоинства, медленно идет, спину прямо держит. Ой, а на рубашке-то, между лопатками – мокрое пятно! Значит, не такой уж и молодец… Надо будет все-таки потом, позже, провести с ним беседу. Наставить, вразумить, сориентировать на местности. Если ты, мол, новенький, хочешь с Марком работать, научись ему скидку давать. Потому что умный всегда первым делает скидку, запомни. Потому что если ты умный, обязательно еще и хитрым должен быть. А гордыню надо отставить на время, а иначе никак, такова жизнь. И не надо ничего своей гордо вспотевшей спиной демонстрировать, как сейчас. Зачем вообще что-то демонстрировать? А главное – кому?

Ольга вдруг усмехнулась грустно своим же мыслям – надо же, учительница нашлась. Ага, самая умная. Ее бы саму кто научил, как с собственной гордыней управляться… Никто ведь не придет и не научит. Да и не надо, в общем. Все равно она никого не послушает. Говорят, характер у нее такой вредный…

Задумалась и про Татьяну совсем забыла. Подняла голову – Татьяна была уже у двери. Вот обернулась, спросила взгля-

дом – а я как же? Ты чего, Оль, забыла про меня? Мне тоже уходить, что ли?

Ой, а в глазах-то какая паника… Боится Татьяна не у дел остаться, ой, как боится. Всегда хочет быть у руля. Может, оно и правильно, так и полагается главному бухгалтеру. Что ж, нам руля не жалко. Если Татьяне хочется, да ради бога…

– Пусть Татьяна останется. – Наклонившись, проговорила быстро и тихо, так, чтобы Марк услышал.

– Татьяна Евгеньевна! А вас я тоже попрошу остаться, – провозгласил тот, не поднимая головы.

Получилось очень внушительно, почти как у шефа гестапо Мюллера. Народ в дверях на секунду замер, с уважением взглянув на Татьяну. Вернее, даже больше с сочувствием. Время-то было глубоко послеобеденное, конец рабочего дня. Все по домам пойдут, а бедные девочки Оля с Таней… Вернее, бедные госпожи Ольга Ромашкина и Татьяна Яблонская…

Ладно, ладно, идите. Не надо нас жалеть, мы свое дело знаем. И зарплату свою неприлично высокую не зря получаем, по совести отрабатываем.

Наконец, плотно закрылась дверь за последним «свободным» после нервного совещания. Марк откинулся на спинку кресла, прижал фаланги большого и указательного пальцев к глазам, проворчал страдальчески:

– Нет, ну вы видели, а? Кругом одни идиоты. С кем работать приходится? Откуда новых сотрудников брать? И голо-

ва болит, сил нет… Может, у меня давление подскочило, а, девчонки? Коньяку, что ли, выпить? Говорят, помогает, сосуды расширяет…

– Да просто в кабинете очень душно, Марк. Вон, все окна задраены. Надо свежего воздуха запустить, – по-хозяйски произнесла Татьяна, резко потянув на себя шнур жалюзи.

– Не надо, кондиционер же работает. Зачем? – капризно отмахнулся Марк, щурясь от хлынувшего в кабинет яркого света.

– И зачем тебе эта мертвечина из кондиционера? Надо живым воздухом дышать… Тем более, дождь недавно прошел. Смотри, как хорошо, – распахнула Татьяна створку окна. – Как птички поют. Воздух, озон, солнце… Тем более, оно уже не так шпарит, дело-то к вечеру.

– А может, все-таки по коньячку, а? Ну, по чуть-чуть…

– Давай сначала с проектом разберемся, потом по коньячку! – улыбнувшись и глянув на Марка, как строгая, но добрая воспитательница, подтянула Ольга к себе папку с новым проектом. И, обернувшись к Татьяне, коротко приказала: – Садись, хватит за спиной маячить…

Татьяна села напротив, сложив перед собой руки, как прилежная школьница, и смешно поджав губы бантиком. Я, мол, вся внимание, слушаю. Ольга отметила про себя невольно – на сей раз перебор с жестами. Не идет эта игривость Татьяне. Полтинник бабе недавно стукнул – надо осторожнее пристраивать к себе «губы бантиком» и позу прилежной школь-

ницы. А лучше вообще не пристраивать. Хотя Татьяна хорошо выглядит, конечно, очень даже моложаво. Но моложаво все равно для полтинника. Тут уж ни убавить ни прибавить…

Марк глядел на нее уныло, поджав губы скобкой, потом вздохнул обреченно:

– Ладно, валяй проект… Все-таки сволочи вы, девки, обе две сволочи. Давай, Оль, короче, а то я совсем от головной боли ничего не соображаю.

– Хорошо, я постараюсь короче, – сухо проговорила Ольга, не реагируя на Маркушино нытье. Вытянув из папки первую бумагу, аккуратно положила перед его носом: – Вот, смотри, это реестр владельцев ценных бумаг… Видишь, я там фамилии фломастером подчеркнула – тебе они ни о чем не говорят? Знакомые фамилии, правда?

– Ну… Да… – растерянно закивал головой Марк, вглядываясь в список фамилий.

– А вот, смотри, предлагаемый график… А вот планируемая прибыль инвестора…

– И что? По-моему, нормально… Все, как обычно…

– Нет, Марк, не совсем. Вот тут я сделала обратный анализ… Смотри внимательно. Сначала все хорошо, видишь? А вот здесь, на этом этапе, мы явно и неизбежно плюхаемся, судя по графику. Очень жестко плюхаемся. Откровенно. А вот санкции, которые предлагает инвестор… И если посчитать… Вот смотри, что у нас по санкциям получается. Впе-

чатляет?

– Ого… Это что же? Это мы столько должны будем заплатить? За что?!

– Да в том-то и дело, что ни за что, Марк. Так устроено по документам. Фишка такая.

– И… И что? Выходит, мы с этим проектом оказываемся в полной?.. В полной?!..

– Да, именно в ней, Марк. Правильно мыслишь. Можешь даже вслух не произносить, не резать грубостью наши с Таней нежные ушки. Мы и без того тебя понимаем.

– Ничего себе, Оль. Это что, а? Как это называется? – тихо произнесла Татьяна, глядя в бумаги. – Это подстава, что ли?

– Ну да. Вроде того. Говорю же, фишка такая, незаметно прописанная.

– Надо же. Как грамотно сделано. А я не поняла. Хотя я бы тоже своим бухгалтерским глазом заметила, но потом, позже, конечно. Ну, ты даешь, Ромашкина. Да у тебя талант прозорливости, дорогая моя! С тобой опасно дело иметь.

– Да никакой особенной прозорливости нет, Тань. Просто обостренный аналитический склад ума. Ну, и еще фамилии насторожили.

– Так я и говорю – талант! – повторила Татьяна и, развернувшись к Марку, со всей дури хлопнула по столу ладонями: – Нет, правда же, Марк, Ольга у нас талантливая? Раз – и алмазом в чужой хитрый глаз! И сразу все увидела! Нет, я на нее просто изумляюсь, Марк! Чего молчишь? Похвали сво-

его финансового директора! Тоже изумись ради приличия!

– Да, Оль, ты молодец, конечно… – морщась, сжал виски ладонями Марк и даже простонал тихо и жалобно от «приступа» головной боли. – Может, мы за твой финансовый гений не просто так изумимся, а того… По сто грамм для пользы дела. А, Оль? Ну сил же никаких нет.

– Да наливай, чего уж! – махнула рукой Татьяна. – Давай, сообразим на троих. А что, имеем право, в конце концов! Чего нам, таким умным и талантливым, не устроить расслабуху в конце тяжелого трудового дня? Кто нам запретит мелкие радости?

– Ага, я сейчас, – с готовностью поднялся из кресла Маркуша. – Погодите, я исчезну на минуту. Только секретаршу домой отпущу, чтоб не болтала лишнего.

Марк скрылся за дверью кабинета, было слышно, как он что-то бубнит секретарше. Вернувшись и провернув ключ в двери, сел на место, бережно выудил из стола коробку с французским коньяком, огладил со всех сторон, даже к щеке прижал на секунду с нежностью. Татьяна вздохнула, спросила тихо:

– Ты его наливать будешь или гладить, как бабу? Стаканы у тебя в хозяйстве есть?

– А это что? – резво указал Маркуша на поднос с минералкой и высокими стеклянными стаканами.

– А, ну да… Я и не заметила. А они чистые? Что-то я не наблюдала, чтобы кто-нибудь из них пил… Ты, Марк, изви-

ни меня, конечно, иногда так начинаешь буйствовать на совещаниях, что и в голову никому не приходит руку протянуть и водички себе налить. Суров ты больно, хозяин.

Ольга кашлянула, слегка тронула под столом Татьянину лодыжку концом туфли. Молчи, мол. Наш Маркуша такого юмора на трезвую голову не понимает. Пусть выпьет сначала.

– Сейчас, девчонки, сейчас. Устроим себе резкое понижение давления и расширение сосудов! Чего зря мучиться-то? Имеем право на расслабление.

Для расслабления им хватило сорока минут и половины бутылки «Реми Мартен». Кто-то из сотрудников периодически норовил вторгнуться в кабинет, вдохновленный отсутствием секретарши в приемной, и это обстоятельство почему-то страшно огорчало Марка. Вытянув руку в сторону двери, он качал головой, изнывая немым вопросом в глазах – ну что за люди, а? Нет, ну как, как с ними работать?

Они с Татьяной лишь молча переглядывались, хотя никакого смысла в тех переглядках уже и не было. Так, по привычке. Тем более, на Татьянином лице было написано крупными хмельными буквами – а что, Оль, Маркуша-то прав по большому счету… Надо, надо сосуды расширять, и чем шире, тем лучше.

А Ольга чувствовала себя не очень комфортно. Не нравились ей эти посиделки. Настроение было паршивое. Тем более, «расширять» ей ничего не требовалось, организм чувствовал себя физически здоровым от головы до пяток. Даже

на алкоголь особо не реагировал.

– Не злись, Оль… – вдруг тихо произнесла Татьяна, будто увидела глазами ее недовольство. – По крайней мере, от французского коньяка никому еще плохо не было. Расслабься, посмотри на нас с Маркушей, как нам хорошо.

– Машину придется у офиса оставлять, – грустно прокомментировала свое состояние Ольга, глядя, как Марк разливает по стаканам очередную порцию сосудорасширяющего.

– Ой, да тебе до дома три шага! – махнула рукой Татьяна. Жест получился расплывчатый, будто она приветствовала толпу встречающих, собравшихся с цветами у трапа самолета.

– Нет, Тань. Я теперь далеко живу. В другой район переехала. Придется на такси добираться.

– А когда ты переехать успела? Квартиру, что ли, новую с Иваном купили? Хоть бы похвасталась. Вот все у тебя так. Молчишь, молчишь, а потом раз – и в глаз.

– Да никто ничего не покупал…

– А зачем тогда переехала?

– Так надо было.

– С Иваном, что ли, поссорилась? К маме сбежала?

– Да к какой маме… Я вообще сирота. Ни мамы, ни папы не помню. Меня бабушка воспитывала. У меня никого нет, кроме нее.

– Иди ты… Надо же, а я и не знала.

– И я не знал, Оль… – подперев щеку, грустно проговорил

Марк. И поглядел на нее с жалостью. – Надо же, сирота. Ты, Оль, никогда о себе ничего не рассказывала.

– А зачем, Марк? Вот она я, вся перед тобой. Ты же сам всегда твердишь, чтобы в офисе – ничего личного. Только работа.

– Ну, между нами-то можно… Мы ж не чужие… Вот, выпиваем сидим. Хорошо, между прочим, сидим. Жена мне, глянь, обзвонилась вся, а я ни на один вызов не ответил.

– Так ответь…

– Перебьется. Я и без того слишком положительный. Веревки из меня вьет, зараза. Надоела уже. Вот как вы думаете, девки, не пора мне жену менять? В каком возрасте мужики обычно жен меняют, а?

– Та рано тебе, молодой ишшо, – хохотнула Татьяна, игриво оглядев Марка. – Вот лет через пятнадцать-двадцать – самое то. Твоя вторая жена аккурат успеет из пеленок вырасти. Все по плану, Марк, все по плану. Нынче это ужасно модная тенденция, чтобы разница в возрасте охренительная была. Причем неважно, в чью сторону. Мой бойфренд, например, с которым я живу, моложе меня на… Ой, даже не буду говорить, на сколько… Много, в общем.

Они с Марком уставились на Татьяну озадаченно. И впрямь, не было у них принято, чтоб до таких откровений дело доходило. Всяко сиживали, бывало, – и на корпоративах, и с целью расширения сосудов, – но до четко определенных границ…

Татьяна тоже почувствовала – не то сказала. Глянула на Марка обиженно – сам про жену начал. А она что, она только знамя подхватила. Потом перевела взгляд на Ольгу, слегка прикусив губу. И бабахнула в лоб сердито:

– Нет, и ты давай колись, до кучи, раз уж на то пошло! Если уж мы с Марком личным-семейным разоткровеннича-лись. Колись, чего переехала-то. Семейная жизнь не задалась, да? Развод и девичья фамилия? Да не стесняйся, все мы когда-то разводимся-разбегаемся, рано или поздно.

– Я не стесняюсь, Тань. Но и рассказывать ничего не буду. Мое – это мое. Извини.

– Да ради бога, как хочешь. Только вот вся ты в этом и есть, дорогая. Пусть другие подпрыгивают, как дураки, а ты легкими аплодисментами отделаешься. Гордая ты слишком, Оль, вот что я тебе скажу. Проще надо быть, проще…

– Э, э, девочки… – испуганно схватился Марк за бутылку. – Вы что, ссориться собрались? Не надо… Давайте лучше еще накатим… За нас, красивых и умных! И не гордых!

– Давай, Марк, давай, – улыбнулась ему Татьяна. – А ссориться мы не собираемся, еще чего. Мы очень хорошие девочки. Правда, Оль?

– Правда, Тань.

– Мир и дружба навек?

– А то.

– Значит, за дружбу?

– За дружбу! – звонко чокнулись стаканами.

– Все-таки сволочи вы, девки. Обе две… – обиженно протянул Марк, вздохнув. – Чокаются за дружбу, а меня как будто тут вообще не присус… Присуссвует…

– Присуссвует, Маркуша, еще как присуссвует, – торопливо потянулась к нему стаканом Татьяна, исходя хмельным хихиканьем. – Куда ж мы без тебя, благодетель. Кормилец наш, Абдулла! Знаешь, как мы тебя любим? И не высказать. Правда, Оль?

– Правда, Тань.

– Тогда чокнись с любимым начальником.

– Да, конечно… – послушно протянула руку со стаканом Ольга.

Марк выпил до дна, замер, прикрыв глаза. Потом с шумом вобрал в себя воздух и на выдохе произнес благодушно игриво:

– Ладно, девки, черт с вами… Так и быть, уговорили на комплимент. Не сволочи вы, а красавицы. Обе две.

– Ну, я-то, допустим… Не так чтобы красавица… – ехидно-скромно потупилась Татьяна, – а вот Ольга, это да! Ольга у нас и впрямь красавица. Кстати, давно хочу спросить, Оль… Чем ты волосы так удачно красишь, извини за подробности? Поделись секретом?

– Ничем не крашу…

Ольга вдруг рассмеялась, глядя на озадаченную Татьяну. Выпрямив спину, красиво сложила ногу на ногу, покачала головой, произнесла низким грудным голосом, подражая

Людмиле Гурченко:

– Нет, почему ты решила, что я крашена? Это мой натуральный цвет!

– Да ну, брось… – недоверчиво отстранилась Татьяна. – Не может быть. Оттенок же просто космический! Как у Афродиты – белопепельно-серебристый… Врешь, наверное. Что, прям-таки от природы?

– Ну, говорю же…

– Прям от мамы-папы?

– Про маму-папу вообще ничего не знаю, Тань.

– Ой, да, извини, я забыла, ты ж сиротинушка у нас, как выяснилось. Нет, но волосы! Надо же, чудо какое! Чтоб такой нежный цвет и был натуральный! Откуда такое чудо взялось, а? Вроде и характерец у тебя тоже далеко не нежный. Мужской скорее, боевой, непробиваемый. Я слышала, что состояние волос характеру соответствует. Мягкие волосы – нежный характер. Жесткие волосы – жесткий характер. А у тебя почему наоборот, а, Оль?

– Не знаю. Может, мой характер по природе и мягкий. А жесткость обусловлена синдромом сироты.

– Чем обусловлена?

– Ну, тест такой есть… Я недавно на одном психологическом сайте откопала. О том, как среда формирует и меняет характер. И что человек порой сам своего природного характера не знает.

– Да? Очень интересно. Сбросишь мне ссылку в почту?

– Да без проблем.

Татьяна еще хотела что-то спросить, но не успела – у Ольги в кармане брюк заверещал мобильник. Той самой мелодией заверещал, бьющей ножом в сердце – «… нам оставалась всего неделя, и она уже прожита…»

Иван. Зачем, зачем?.. Вот бы отключить его звонки раз и навсегда. Да только нельзя. Отца своего ребенка из жизни не выключишь. Связующее, блин, звено, пята ахиллесова…

Наверное, у нее изменилось выражение лица – очень уж настороженно глядели Татьяна с Марком. Даже глаза у обоих сделались почти трезвыми.

– Оль, у тебя телефон, – тихо произнесла Татьяна. – Голосом Лепса поет.

– Я слышу, Тань.

Мелодия оборвалась, и она вздохнула легко. А через секунду снова задребезжало из кармана: «…слова, как иголки, предложения, как ножи… Поцелуев иголки в прошлое не сложить…»

Резким жестом выхватила поющего мерзавца из кармана, прижала к уху.

– Да, Иван! У тебя что-то срочное? – ответила жестко. – Нет? А зачем тогда? Если я не отвечаю на звонок, значит, не могу или не хочу отвечать! Что непонятно, Иван? Нет, я сегодня ей не звонила. Сам позвони, ты же отец. Да, я ей мать, а тебе никто, понял? Все…

Нажала на кнопку отбоя, сунула телефон в карман, цепко

ухватила пальцы в замок, пытаясь успокоиться. И зубы сжала. И затылок напрягла. И сердце… Господи, да когда ж все это кончится? Когда он оставит ее в покое, наконец?

– …Я ж говорю – характер… – донесся до уха испуганный голос Татьяны. – Какое уж там соответствие.

Ольга подняла голову, глянула им в лица, улыбнулась натужно.

– Извините, ребята. Так вышло. Напугала я вас, да?

– Ничего, бывает, Оль, – торопливо заговорил Марк, откручивая пробку с бутылки. – Я со своей тоже что ни день, то цапаюсь. Давай еще накатим, тебе надо напряжение снять.

– Давай.

Марк разлил остатки коньяка по стаканам, выпили молча, уже без прежней бравады. Переглянулись. Марк вздохнул. Татьяна пожала плечами. Ольга проговорила тихо:

– Ну что, по домам? Хватит на сегодня разврата?

– Да… Да, и мне давно домой пора. У меня и ужина нет… – подхватилась испуганно Татьяна, глянув на часы. Потом охлопала себя по карманам, глянула заполошно поверх их с Марком голов: – Телефон! Я же свой телефон в кабинете на столе оставила! Анатоль меня потерял, обзвонился уже, наверное…

– А кто это, Анатоль? – неприлично икнув, спросил Марк.

– Ну, я ж говорила – мой бойфренд.

– А… Просто имя какое-то странное. Литературное, что ли? Как у того подлеца, который Наташу Ростову украл, ага?

– Нормальное имя, – обиженно моргнула Татьяна. – По крайней мере, звучит прилично. Гораздо лучше, чем Толик. Мы, когда познакомились, он Толиком был.

– А сейчас, значит, он у тебя бойфренд Анатоль? – насмешливо спросила Ольга. И сама испугалась – переборщила с насмешливостью. Потому что слишком нелепо звучало в устах Татьяны само слово – бойфренд. Ладно еще – Анатоль, бог с ним. Но – бойфренд! Опять перебор с покушениями в юность, что ли?

– Да. Бойфренд Анатоль, – гордо произнесла Татьяна, глядя на Ольгу тоже насмешливо, но с неким вызовом. – Завидовать надо молча, Оленька.

– Ладно, я постараюсь, Тань. Ну что, идем на выход? Марк, тебе такси вызвать?

– Не надо, я сам…

Из офисного здания вывалились втроем, стараясь держаться непринужденно. Так, как держатся вполне трезвые люди. Но, как известно, чем больше стараешься…

– Ой, а я ж забыл такси заказать… – обиженно глянул Марк на пустую об эту пору стоянку перед офисом. – Теперь ждать придется.

– О, а зато у меня приятная неожиданность! Глазам не верю, Анатоль! Как говорится, легок на помине! – улыбнулась Татьяна. – Смотрите, меня встречают. На машине. Не надо такси, Марк, мы тебя до дома подбросим. Пойдемте, я вас познакомлю.

Анатоль оказался молодым, субтильным, модно одетым парнягой. Лицо довольно приятное, глаза красивые, но, как показалось Ольге, немного с глумливой искоркой. И вообще, весь облик парняги слишком сладкий. На альфонса похож. Или того хуже… Бледный, худой и суетливый, как сперматозоид. Ольга инстинктивно прикрыла ладонью рот, ужаснулась – боже, какие только сравнения не придут в несчастную хмельную голову…

– Познакомься, Анатоль, это Марк, это Ольга… Вот скажи, как стилист, может быть у женщины такой природный цвет волос, а? Посмотри, посмотри на Ольгу внимательно, – трещала Татьяна без умолку, дергая Анатоля-стилиста под локоток. – Она утверждает, что это ее цвет, природный.

– Ну, если утверждает, значит, так оно и есть, – пожал худосочными плечиками Анатоль, суетливо переступая на месте и разглядывая всю компанию чуть насмешливо. – А у вас что, праздник какой-то сегодня, да?

– Нет, это мы так, стихийно… Ребят до дома довезем, ладно?

– Без проблем. Садитесь, прошу… – распахнул перед ними двери белого «Рено» Анатоль.

Марк с готовностью плюхнулся на заднее сиденье, а Ольга ехать отказалась. Отчего-то захотелось пройтись пешком. Да и домой не тянуло. Что там делать, дома? Тем более, это и не дом, а съемная квартира. То есть чужой дом.

Ее и уговаривать особо не стали. Анатоль резво прыгнул

за руль, машина отъехала, – в окне напоследок мелькнуло счастливое улыбающееся лицо Татьяны.

Ольга вздохнула, повесила на плечо сумку, нацепила на глаза темные очки. Ладно, пешком так пешком. Правда, далековато. Зато за время пути хмель из головы выветрится. И вечер июньский хорош для прогулки.

Решила идти бульваром. Встала у «зебры», чтобы перейти на пешеходную часть, задумалась, ожидая зеленого сигнала светофора. И вздрогнула, услышав над ухом знакомый голос:

– А ты почему пешком, Оль?

Иван… Иван. Он что, сегодня добить ее решил?

– Пойдем, Оль, зеленый загорелся.

Ничего не оставалось, как вместе перейти дорогу. Похоже, он и по бульвару вместе с ней пройти собирается? Ну уж нет!

Остановилась резко, глянула ему в лицо:

– Ну чего, чего тебе от меня нужно, Иван? Что ты ходишь за мной? Вроде решили уже все…

– Чего мы решили? Я лично ничего не решал.

– Ну, это твои дела… Я решила, этого хватит. Все, не ходи за мной, пожалуйста.

– А я не за тобой иду, я рядом иду. Бульвар – место общественное.

– Глупо звучит. В детство впадаешь, Вань. Вроде ты не юноша пылкий, да и я не школьница.

– Оль, так я все же не понял… Чего ты пешком-то? Машину около офиса бросила… Выпила, что ли?

– Да. Выпила.

– Много?

– Не твое дело. И вообще… Давай, сгинь куда-нибудь. Или вперед иди, или назад топай. Мне неприятно рядом с тобой находиться. Раздражаюсь я сильно, понял?

– Оль, ну зачем хамить-то? Я тебя целый час около офиса ждал.

– А я просила?

– Ну хватит… Давай поговорим спокойно. Хочешь, в кафе посидим?

– Нет. Никогда. Ни разговоров, ни кафе больше никогда не будет. Вообще ничего больше не будет, Иван. Сто первый раз тебе это твержу, а ты все во влюбленного пионера играешь… Не надоело еще?

– Нет. Не надоело.

– А мне надоело. Но могу и в сто второй раз повторить… Все, Иван, все. Ты же меня знаешь. Если я решила один раз, значит, это уже окончательное решение. Все, возврата не будет.

– Оль, остановись! Нельзя же так. То есть нельзя быть такой… Такой…

– Какой? – повернулась она к нему рассерженной кошкой. – Ну какой, говори?

– Такой жестокой. Такой непримиримой. Такой однозначной, как инфузория-туфелька.

– Как кто?! Что-то я совсем не понимаю тебя, Иван. Это

ты что, меня сейчас оскорбить пытался? Ты – меня?!

Задохнувшись от злости, Ольга глядела на Ивана во все глаза. И даже не сразу услышала, что он говорит ей торопливо. Только последние фразы дошли до сознания, вызвав еще более сильную злость.

– …Надо уметь прощать, Оль. И не обижайся на инфузорию-туфельку, ты же понимаешь, что я имел в виду. То есть не то, что ты в принципе однозначная… Просто, понимаешь, в природе есть еще и другие цвета, кроме черного и белого! И в отношениях между мужчиной и женщиной тоже много расцветок присутствует!

– Да-а-а? Правда? И что это за расцветки? Это ты сейчас про «понять-простить» мне толкуешь, что ли? Или будешь учить, какой мне надо женщиной быть? То есть мягкой и мудрой женушкой, да? На которую наплевать можно, она все схавает под соусом женской мудрости, да? Ненавижу, ненавижу эту пресловутую женскую мудрость, слышишь? Нет такого понятия – женская мудрость! Есть страх женского одиночества, а женской мудрости – нет! Эту подушку безопасности придумали себе трусливые бабы, а я никогда и ничего не боялась, понял? Мудрость – это не про меня, Вань!

– Да понял, понял. Уж кому, как не мне, тебя понимать…

– А если понял – отвали. Не теряй времени, ищи себе другую женщину. Чтоб с большой мудростью во всех местах была. Кстати, надо бы нам развод оформить. У меня завтра вторая половина дня свободна, может, добежим до загса? Я уже

узнавала, в загсе без проблем разведут, у нас дочь совершеннолетняя. Ты как, сможешь после обеда с работы слинять?

– А что за спешка, не понимаю? Давай хотя бы дождемся, когда Полька родит…

– А она все равно родит, хоть с нашим разводом, хоть без него. Какая разница-то?

– Ну, не знаю… Родители мы ей или кто? Она ж переживать будет. А это стресс, ей нельзя.

– Да какой стресс… Наплевать ей на нас, у нее своя семья есть. И муж – отличный парень, слава богу. С ним ей никакой стресс не страшен.

– Нет, Оль, ты не права. Развод родителей – это всегда стресс, в любом возрасте, при любых собственных обстоятельствах. Нет, нельзя нам сейчас разводиться.

– Ну, это не один ты решаешь. Да и глупо, по-моему, отговорки придумывать. Несерьезно.

– Да, может быть… Да, глупо, наверное. Но я действительно не хочу. Я не хочу с тобой разводиться. Почему ты мне не веришь, Оль? Я люблю тебя. Я очень люблю тебя и не хочу никакого развода. Слышишь? Люблю!

– Не ори. Люди оглядываются.

– Да пусть! Все равно люблю!

– А Владу тоже любишь?

– Ну зачем ты… Нет, не люблю я твою Владу…

– Мою?!

– Ну, она же твоя подруга…

– Ой, Иван… Уйди лучше, не доводи меня до истерики. Уйди! Иначе я вообще… Не знаю, что с тобой сделаю. Никогда тебе этого не прощу, никогда. Уйди, слышишь? Ну, пожалуйста.

Видимо, это «пожалуйста» прозвучало слишком горестной безнадегой – Иван сдался, замедлил шаг. А она, наоборот, рванула вперед почти бегом. Подальше от него, подальше. Потому что слишком больно – даже рядом идти больно. Потому что сердце болит обидой. И неприятием. Нет, как он мог! А впрочем, чего опять – из пустого в порожнее? Толку-то все равно не будет. И Ивана в ее жизни больше не будет. И надо привыкать идти одной. Вот как сейчас. Сначала по бульвару, потом на проспект Мира свернуть, потом перейти наискосок по парку, потом дворами…

Далеко, однако. Устала с непривычки. Зато вечер, можно сказать, убила. Самое противное время – вечер. Нет, можно, конечно, и на работе сидеть до посинения, но все равно от вечерней тоски никуда не денешься. Все равно она тебя поймает, все равно будет подсовывать картинки из той жизни, где все вечера были беззаботно счастливыми. Жаль, она этого не понимала тогда. Сравнивать не с чем было. Думала, эта счастливая беззаботность навсегда, на всю оставшуюся жизнь. Когда Иван, когда Полька рядом. Все здоровы и благополучны, и один счастливый день перетекает в другой без особых проблем. Классический пример семьи, можно на рекламную обложку снимать. Все счастливы, все улыбаются

– чи-и-и-з!

Съемная квартира встретила, как всегда, с пугливой настороженностью. Как чужую. А впрочем, она чужая и есть. Ее квартира не любит, и она ее. За что это уродство любить? Здесь же все мерзко, неуютно, с дурацкими розовыми цветуями на обоях. Гостиная с ковром и диваном, спальня. Чужая спальня. Огромная холодная кровать, страшно неудобная, кстати. Монументальная, но из дешевых. А про кухню и говорить нечего – руки бы оборвать тем дизайнерам, кто придумывает такое безобразие. Ни стиля, ни уюта, ни маломальской изюминки. Кухня – это же сердце семьи! Помнится, когда они с Иваном себе кухню обустраивали…

Так, стоп. Хватит бродить по чужому пространству, надо сесть куда-нибудь. Да, хотя бы здесь, у раскрытого кухонного окна. Жаль, что она плакать не умеет. А то бы всплакнула, как порядочная тетка. Та самая, которая сильно мудрая. Та самая, которая не обхамила бы Ивана, а наоборот, разжалобила сопливой сильно-мудростью. А так… Ни слез, ни мудрости, ничего нет. Пустота. Холодная пещера внутри. Да, точно, пещера…

Однажды в детстве она заблудилась в пещере. В настоящей. Повезли их всем классом на экскурсию, в каникулы, всякие сталактиты и сталагмиты смотреть. Ну, она и раззявила рот… И отстала от группы. Огляделась – никого. И голосов не слышно, и непонятно, в какой стороне выход… Вот тогда ей по-настоящему страшно было. Холодно. Жутко. Сы-

ро. И капает с потолка. И ощущение ледяной потерянности и несчастья. Потом, конечно, ее нашли, но те полчаса, пока блуждала одна, запомнились именно этим ощущением статического злого несчастья. Когда страшно. И жутко холодно. И ледяные капли с потолка…

Именно такое чувство пещерного внутреннего холода преследует ее в последнее время. Когда случилось это… Это несчастье с ней и с Иваном. Но ведь нельзя жить с этим пещерным холодом внутри! Надо же что-то делать… Бороться как-то. Да, без Ивана плохо. Невыносимо. Но если другого выхода нет! Значит, как-то привыкать надо. Забыть прошлое. Выдрать из себя беззаботно счастливые двадцать лет. Ох, если бы она могла быть мудрой! Если б могла. Да если б можно было пойти ту мудрость в магазине купить. Нет ведь, не пойдешь и не купишь. И с собой ничего не сделаешь. Ни с характером ничего не сделаешь, ни с холодной пещерой внутри.

Да, двадцать лет. Это много – двадцать лет. Нет, даже больше получается… Это они с Иваном женились, когда им было по двадцать лет. Полька заставила свадьбу играть. То есть Полька и бабушка. То есть когда бабушка про Польку догадалась и потребовала «узаконить грех». Они еще смеялись до коликов над этим «узаконить». Потому что им вообще все равно было, в каком статусе вместе существовать. Главное – лишь бы вместе. Иван даже хотел в ее институт перевестись, да его родители отговорили. Вообще, мама Ива-

на поначалу относилась к ней вежливо, но прохладно. А однажды она случайно услышала вскользь брошенную мамой фразу: «Мне не нравится, что ты этой Ольге в рот смотришь!» Услышала и удивилась, но вовсе не обиделась. Потому что знала, что это неправда. Мама просто не в курсе их отношений была. А может, ревновала. Но потом Иван, по всей видимости, с мамой поговорил, то есть объяснил ей, что он никакой не подкаблучник и дальше им быть не собирается, просто очень любит свою будущую жену, и она его тоже любит. И смотрят они друг на друга одинаково, то есть с любовью.

Мама Ивану поверила. И это несмотря на то что она, как потенциальная невестка, была тогда студенткой-лимитчицей! Просто взяла и поверила, отчего ж нет? Мама у Ивана была женщина рассудительная, сумела обуздать свою материнскую ревность. Помнится, после свадьбы родители выделили им в квартире самую большую комнату, сказали – живите, детки, плодитесь и размножайтесь, будьте счастливы. Так и жили вместе с родителями, и ничего, и с мамой Ивана она на одной кухне вполне мирно сосуществовала. Только мамой ее назвать так и не смогла. Вроде и не вредничала, но все равно, не получалось как-то. Само слово «мама» было чужим, на ее сиротский язык не ложилось. Да свекровь и не обижалась в принципе.

Казалось, после свадьбы они с Иваном еще более друг в друга «вжились». Даже попривыкли к расхожему мнению

окружающих, что они «прекрасная пара». И что походят друг на друга, как муж и жена. Она, помнится, лишь удивлялась тихо, слушая эти высказывания. Чем они похожи, интересно? Абсолютно разные внешние типажи… Иван – высокий смуглый красавец атлетического телосложения, она – худенькая неулыбчивая блондинка. Да уж, похожи они, как юг и север. Хотя… Может, поэтому их так притягивало друг к другу? Как плюс и минус? И сама их семейная жизнь происходила по тому же принципу – лишь бы рядом? Чтобы рука в руке, чтобы глаза в глаза? И даже рождение Польки этого принципа не нарушило, и о бытовые трудности семейная лодочка не разбилась. Нет, случались, конечно, разногласия, и ссоры случались… Помнится, Иван всегда первым подходил мириться. Как-то это у него получалось. Легко и в то же время с достоинством. По-мужски как-то. Следуя известной французской присказке – если женщина не права, все равно следует попросить у нее прощения. То есть, если по-русски сказать, баба всегда дура капризная, а мужик всегда умный. И отходчивый. И любящий. И рассудительный. И с энергией «плюса». И это замечательно просто! Потому что подойти мириться первой она никогда не могла. Страдала ужасно, но не могла. Хоть и «дурой капризной» вовсе себя не считала.

Правда, недолго они вместе с родителями жили. После получения дипломов так вышло, что они с Иваном похоронили их по очереди – сначала папу, потом маму. Мама после смерти папы заболела сразу, два года с инсультом лежала,

она честно за ней ходила, ни о какой работе не думала. Старалась. Знакомые говорили – родная бы дочь меньше старалась, наверное.

А потом, после смерти родителей, другая полоса жизни пошла. Иван тогда уже прилично зарабатывал, она тоже устроилась на свою первую работу. Сделали в квартире ремонт, машину купили, потом еще одну. И денег всегда хватало, и Полька росла беспроблемной девчонкой, умницей-красавицей. Рано влюбилась, рано замуж выскочила за хорошего парня, в приличную семью. Счастье, одним словом. Живи, не хочу. И черт ее дернул тогда согласиться на эту командировку!

Словом, как в анекдоте все вышло. Приезжает жена из командировки на два дня раньше, открывает своим ключом дверь, чтобы сделать сюрприз любимому мужу… И что жена видит? А видит она свою любимую подругу Владу, разгуливающую по квартире практически голышом. И мужа любимого видит, заполошного от «сюрприза». И что прикажете командированной жене делать? Закрыть глаза и обратно в командировку возвращаться? Или, может, Владу из ружья застрелить? Ружье-то как раз присутствовало, на стене висело, покойный свекор, царствие ему небесное, охотой увлекался. А лучше – обоих грохнуть? В состоянии аффекта? А что, вполне. Потом бы и суд ее оправдал.

Странно, что никакого «аффекта» тогда с ней не случилось. Внутри помертвело все и отсырело холодом, и каплями

ледяными закапало, а снаружи – ничего. Собрала вещи кое-какие, документы, ноутбук и ушла спокойно. Первую неделю у Томки жила, у второй подруги. Трио у них такое дружеское было – она, Томка и Владка. Как они считали – вполне качественное. А потом эту квартиру нашла, от Томки съехала. У той своя жизнь… Тем более, чувствовала, что Томка Владку как бы не осуждает. Как бы старается понять. И ее к прощению-пониманию склоняет. Ужасно противно было Томкины рассуждения слушать. До неприязни. Так и ушла от Томки – с неприязнью в душе. Нет у нее теперь подруг, стало быть. Ни одной нет. Так получилось, что ж.

Господи, да она бы только рада была всех простить и всех понять! Если б умела. Но что делать, если нет в ней такого таланта? Ни прощения, ни понимания, ни мудрости нет…

Иван, кстати, просил ее в квартире остаться, мол, я лучше сам уйду. Даже этого не смогла. Да и как? Квартира-то родительская. Если б осталась, а Иван ушел, это уж было бы чистым свинством с ее стороны. Хотя могла бы. Осталась бы и жила на привычной территории. Потом бы разъехались-разменялись со временем. Каждому по однушке, и все дела. Развод и девичья фамилия. Да, могла бы и так поступить, но гордыня проклятая не позволила.

А теперь, выходит, надо вплотную квартирным вопросом заниматься. Денег подсобрать, в ипотеку залезть или в долевку. Благо, зарплата позволяет вопрос решить. Но – это со временем. А пока этой убогостью придется довольствовать-

ся. Старый дом, старая квартира с розовыми цветуями на стенах. Иногда кажется, что пахнет кошками и плесенью из углов. Фу. Надо пойти душ принять.

В ванной долго смотрела на свое отражение в зеркале. Унылое лицо, пустые глаза. Похмельная бледность. Одна красота – волосы. Как давеча Татьяна про них сказала? Оттенок космический? Бело-пепельно-серебристый, как у Афродиты? Да, так и есть. Он даже не серебристый, а будто солнцем изнутри подсвеченный. Наверное, у Афродиты были именно такие волосы. Крупные природные локоны, вплетающиеся один в другой так естественно, как ни один самый грамотный стилист не придумает уложить. Природу вообще трудно придумать. Так выглядела, наверное, морская пена на солнце, из которой появилась Афродита. И даже в стрижке-каре локоны укладываются, как им надо. Свободно и легко. Красиво… А чего не похвалить, если и впрямь красиво? И не вскинуть победно подбородок вверх, и не улыбнуться натужно, и не повторить внутри себя, как давеча Татьяне, уже ставшее сакраментальным: «Это мой натуральный цвет…»

Кстати, о Татьяне. Она же обещала ей тест в электронную почту сбросить. Про характер, который формирует среда. Может, сначала тест, а потом в душ?

И усмехнулась – нашла себе занятие. Нужен Татьяне твой тест, ага! Ее вон литературный Анатоль вовсю развлекает, молодой и резвый бойфренд, как выяснилось. И все-таки…

Надо сделать, раз обещала.

В почте обнаружилось письмо. И адрес незнакомый. Хотела было автоматом отфутболить в спам, но рука дрогнула. Открыла… И в очередной раз обругала себя – зачем? Что за любознательность наивная? С вирусами давно не дружила, да? Сейчас такие вирусы коварные через почту приходят, что никакие защитные программы не спасут… Хотя честь и хвала им, защитным программам. У нее в компе тоже хорошая защита поставлена, вроде ни разу не подводила. Так что не стоит себя ругать, открыла и открыла. Читай теперь, наслаждайся.

Впрочем, в письме, как и предполагалось, была чушь собачья. «Здравствуйте, Ольга! Я ваш родной брат, меня зовут Геннадий. Свяжитесь со мной, пожалуйста, по телефону…» И дальше – номер мобильника.

Ага, сейчас. Все брошу и буду с тобой связываться. Надоели эти мошенники, уже и до электронной почты добрались. И где только адреса берут, и имя совпало. Еще и брат, главное. Это у нее-то – родной брат! У круглой сироты! Звучит как издевательство, между прочим. В спам тебя, дорогой брат, в спам. Туда тебе и дорога.

Хм. А может, человек адресом ошибся? А что, бывает же. Может, и впрямь сестре человек писал… Нет, надо ответить.

Навела курсор на нужную кнопку, отбарабанила по клавиатуре короткое послание – «извините, но вы ошиблись адресом», отправила обратно. По крайней мере, совесть чиста

будет. Так, теперь надо тест найти и обещанную ссылку Татьяне отправить.

Все, дело сделано, ссылка Татьяне ушла. Опа… Новое письмо свалилось. От прежнего адресата, который «брат». Так, посмотрим…

«Ольга, я не ошибся. Я действительно ваш родной брат. Отправьте мне свой номер телефона, я позвоню и все объясню. Или сами позвоните. Пожалуйста!»

Хм… А ключи от квартиры ему не надо, где деньги лежат? Наглый какой мошенник. Хорошо, я тебе сейчас отвечу – в последний раз… И улетела строчка ответным письмом: «С таким разводом вы не по адресу!» И все, и кончим на этом. Закроем ноутбук, в душ и спать. День был тяжелый, еще и с нечаянным пьянством в конце. А пьянство организм плохо переносит, завтра отекшим лицом отомстит. Оно ей надо для полного счастья?

И все равно – стояла под душем и злилась. Почему-то задела за живое эта дурацкая переписка. Не надо было отвечать, и все! Хоть бы узнавали сначала эти мошенники-разводилы, кого обманывают! Надо же – брат… Это у нее брат, ага. И ведь ни раньше, ни позже, а именно сейчас, когда на душе так хреново от свалившегося в одночасье одиночества. Когда оно свежей болью болит, истекает сукровицей…

Замоталась в банный халат, даже капюшон на голову натянула, легла в гостиной на диване, свернулась калачиком. Все, тихо, тихо. Чего разнюнилась. И не одна ты вовсе, у тебя

Полька есть, скоро еще и внук родится… И бабушка жива и здорова, слава богу…

Бабушка. Заслуженный школьный учитель. Всегда строгая, всегда сдержанная, всегда одинаково одетая, даже дома – классическая блузка, черный сарафан-платье. Она и сейчас так выглядит, в свои восемьдесят пять. Никогда ни на что не жалуется, помощи не просит. Утром зарядку делает, на ночь классику перечитывает, летом в огороде возится. И никаких сериалов, тем более навязчиво-дневных реалити-шоу! Вообще телевизор не жалует. Может, потому и сохранила себя в таком удивительном психическом и физическом здравии.

А еще бабушка неразговорчива. Все разговоры – только по делу. Даже на самые сокровенные вопросы ответов из нее не вытянешь. Даже про погибших родителей. Нет, ну чего бы, в самом деле, не рассказать маленькой внучке о папе с мамой? С теплом рассказать, с любовью? А у нее все выходило будто с досадой.

– Бабушка, а это кто на стене? Это мой папа, да?

– Да, это портрет твоего папы. И моего сына.

– А мамин портрет где? Давай рядом с папой мамин портрет повесим?

– У меня нет маминого портрета.

– А почему?

– Не знаю… Она не любила фотографироваться.

– Что, вообще ни одной фотографии нет?

– Вообще.

– А так не бывает, бабушка.

– Почему же? Бывает. Раньше столько много не фотографировались, как сейчас.

– А где мамина могилка? Почему мы к папе на могилку всегда ходим, а к маме – никогда?

– Ну… Просто она далеко отсюда похоронена. Когда ты была маленькая, мама поехала в другой город… И там разбилась на машине…

– А в том другом городе есть ее могилка?

– Не знаю… И вообще, отстань, Ольга. В конце концов, я могу ответить только за своего сына, твоего отца. И не задавай больше подобных вопросов. Разве не понимаешь, как мне больно на них отвечать? И вообще, учись не оглядываться назад, не поддаваться глупым рефлексиям. Запомни – тебе нельзя…

– Почему?

– Потому что ты пойдешь по жизни одна. Привыкни к этой мысли. Я старая, я тебе не помощница и не жилетка для слез. Нет, я все сделаю для тебя, конечно. Все, что от меня зависит, все, что в моих силах. Но дальше ты пойдешь одна! Верь только самой себе! Ты сильной должна быть, как кремень! Если скатишься в слезливую жалость к себе, сиротинушке, ничего у тебя не получится! Поняла?

– Поняла, бабушка.

– А почему слезы в глазах? Почему губы дрожат? Ну же, подними голову, расправь плечи. Запомни, ты – кремень! Ты

– железный характер! Ты – скала! Тебя ничем не пробьешь! И всегда будь готова обороняться! А иначе никак, Ольга. Самостоятельная жизнь – очень трудная вещь.

Вот же странно – вспомнила бабушкины наставления и расслабилась. Какой-то обратный эффект получился, и сама не заметила, как задремала.

Проснулась ночью от боли – руку в неудобной позе отлежала. Села на диване, потрясла головой. Надо бы в спальню перебраться, заснуть по-человечески.

Вытянувшись во весь рост в кровати и уже засыпая, подумала с тоской – а завтра ведь выходной… Надо бы его убить как-то. К Польке, что ли, поехать? Она у сватов на даче живет, чистым воздухом дышит. А с другой стороны – вроде не приглашали. А можно и к бабушке в Сосновское махнуть. Да, точно. Давно не была. И продуктов бы ей надо привезти. И по хозяйству помочь. Хотя она все время твердит в телефонную трубку – не надо, мол, ничего, ради бога, и приезжать не надо. Даже слегка раздраженно твердит.

Ох, гордая бабушка. Строгая бабушка. Слишком гордая и слишком строгая бабушка.

* * *

Проснулась рано, будто назло. Вот всегда так. Если надо рано вставать – приходится силой себя из сна выковыривать. А когда можно спать, сколько захочешь… И сна нет. Обидно.

Надо вставать… Лежать в полудреме еще хуже. Того и гляди зашевелится внутри пещерный холод, ухватит за коготки, конец птичке.

Кстати, о птичках… И птички поют. Похоже, за окном утро солнечно-радостное образовалось, вполне подходящее для уик-энда. Может, все-таки к Польке рвануть? Соскучилась… Мать она ей или кто?

Нет, неудобно. Надо было созвониться заранее, что ли. У них там все по плану – когда обедать-ужинать, когда гостей принимать. Там у Польки дружба со свекровкой махровым цветом цветет, а тут, здрасьте, мама нарисовалась.

Нет, Полька молодец, конечно, правильно организовала свою жизнь. Они там все перед ней гопака наплясывают или приседают в книксенах – не хочется ли тебе, Поленька, чего-нибудь особенного откушать? Ты только скажи, Поленька, мы тебе все, что хочешь! Вплоть до соловьиных язычков! Любим тебя ужасно, Поленька.

Нет, они с Иваном тоже ее в детстве баловали, конечно. И тоже любили. Хотя почему – любили. И сейчас любят. Только теперь каждый сам по себе.

Фу… Зачем опять про Ивана вспомнила? Все, надо вставать! Быстро в душ, потом кофе и вон из этой квартиры… Еще же к офису тащиться надо, машину забирать. А потом – в Сосновское, к бабушке.

Через полчаса, умытая и причесанная, Ольга сидела перед ноутбуком, прихлебывая кофе. Привычка у нее такая вдруг

стихийно образовалась – по утрам пить кофе, глядя в компьютер. Может, от одиночества? Когда слово сказать некому, компьютер становится первым другом. И что самое страшное – другом единственным.

Ладно, не надо с утра грустных мыслей! Лучше по привычке в почту глянуть.

Опа! Ну, конечно. Опять письмо от того же придурка. И опять с номером телефона и просьбой перезвонить. С досадой удалила письмо в «корзину» – показалось, даже услышала, как оно туда шлепнулось. Захлопнула крышку ноутбука, натянула джинсы, футболку, выскочила из квартиры, будто на свободу вырвалась.

До офиса доехала на такси. Родненькая «Тойота» скучала в уголке стоянки, сияла на солнце перламутровым боком. Обиделась. Прости, подружка, за вчерашнее, надо же и хозяйке иногда расслабиться. Сейчас, сейчас мы с тобой прокатимся… Как выедем на трассу, как дадим жару, ух! Лишь бы из субботних пробок на выезде из города выбраться.

Да, дорога в Сосновское – это отдельная песня… Когда столько лет подряд мотаешься по отрезку в сто километров туда-сюда, уже каждую вмятину на дороге знаешь, каждый перелесок справа-слева родным кажется. Сто километров, час езды. Поселок Сосновское, заброшенный рай. Когда-то построился вокруг деревообрабатывающего комбината, процветал себе тихой размеренной жизнью, а теперь комбинат умер, и поселковый народ никому не нужен оказался. Обыч-

ная история, уже никого не удивляет и не возмущает. Как-то иссякло с годами и возмущение, и удивление. Люди привыкли. Ничего, живут как-то.

А ей, выходит, повезло, что выбралась в город. Кто она была? Обыкновенная поселковая девица, внучка учительницы словесности Елизаветы Максимовны Стрелковой. Да, смешно звучит – поселковая девица. Но ведь это действительно так. Не всем поселковым девицам удалось во время учебы выскочить замуж и остаться в городе. Многим с институтскими дипломами приходилось возвращаться в поселок, там и пропадать… Да, как-то раньше она о себе в таком ключе не думала. Выходит, опять спасибо Ивану?

В первые годы, как поженились, они с удовольствием ездили к бабушке. Тогда еще машины не было, на автобусе… Польку под мышку – и вперед. А потом, когда машину купили, уж каждый выходной в Сосновское, святое дело. И девчонок с собой брали, Владу и Томку. Им такие поездки – как праздники в безмужней жизни. У бабушки дом большой, всем места хватало. Шашлыки жарили, купаться на озеро бегали, баню топили. Да, все было. И как-то развеялось в одночасье, улетело пылью по ветру. Была семья – нету семьи. У дочери своя жизнь. Муж предателем оказался. Была подруга Влада, и нет подруги Влады. И подруги Томочки тоже нет, потому что она с Владой отношения разрывать не захотела, даже после такой подлости. А если ты друг моего врага, значит, мне уже не друг. Выходит, никого не осталось.

Одна, совсем одна. Кремень и скала. Женщина, которая не простила. Женщина с пещерой внутри – пробежал сквознячок, опалил холодом… Так опалил, что горло перехватило, дышать нечем. И в глазах туман. Лучше на обочину съехать, постоять пять минут.

А ведь не хочется, если честно, ехать в Сосновское. Но почему? Может, в одиночестве непривычно? Или потому, что опять надо обсуждать эту тему с бабушкой, объяснять что-то, оправдываться, будто она виновата в чем? Но почему – объяснять и оправдываться? Бабушка – единственный близкий человек. Ближе никого нет. А вот поди ж ты – будто через силу себя заставлять приходится! Выходит, счастливые внуки всем нужны, а несчастливые картину мира портят?

Ладно, надо ехать дальше, чего самой себе капризы устраивать. Тем более, свороток на Сосновское за тем леском начинается. Приехала почти. Вот моя деревня, вот мой дом родной.

Бабушка встретила ее, как всегда, без эмоций и поцелуев. Да, у них так принято. И ничего страшного, между прочим. Всегда так было – и ничего, не умерли.

– Здравствуй, Ольга. Ты почему не позвонила, что едешь? Я же тебя всегда прошу предупреждать заранее… У меня и обеда нет.

– Я не голодна, бабушка. Тем более, в багажнике продуктов полно, я по дороге купила.

– Зачем? Мне ничего не надо, у меня все есть. Господи,

Ольга… А это уж совсем ни к чему! – с презрением указала бабушка на палку копченой колбасы, вывалившуюся под ноги из пакета, – это же сплошной холестерин, убийца сосудов! Я это даже под пыткой есть не стану!

– Ну, я съем… Я просто хотела тебя вкусненьким побаловать. Чего ты?..

– Меня? Побаловать?

– Ну да… А что здесь такого?

– Да ничего… Просто немного странно.

Бабушка пожала сухими плечами, глянула с недоумением. Будто оттолкнула от себя внучку вместе с ее «побаловать». Дальше пуговиц не пустила. Ольга вздохнула, улыбнулась миролюбиво – да ладно, мол, не больно-то и хотелось твоей приветливости. Ладно, пусть будет, как всегда. Не может же человек в свои восемьдесят пять взять и перемениться эмоционально. Зато – какая она красавица в свои восемьдесят пять! Собранная, аккуратная, прямая, как сухая крепкая палка. Поглядишь на нее – и стариться не страшно.

– Что твой Иван? Как поживает?

– Он уже не мой. Мы разводимся, ты же знаешь.

– Я надеюсь, ты хорошо подумала, Ольга? Все взвесила, прежде чем принять такое радикальное решение?

– Я вовсе не думала, бабушка. И не взвешивала. Чего тут взвешивать? На сколько граммов предательство тянет?

– А ты взвесь, Оля. Ничем в жизни нельзя разбрасываться. Надо целесообразно относиться к тому, что дает в руки

судьба. Иван любит тебя, это же ясно, как божий день.

– Нет, бабушка. Выходит, не любит. Если б любил… Ну, ты сама понимаешь, что я тебе буду объяснять.

– Он отец твоей дочери…

– Ну, дочь скоро сама матерью будет, ей не до нас.

– Но… Он же хороший, Оля! Он мужчина. И ему можно простить.

– Не поняла акцента, бабушка… Простить – потому что хороший или потому что мужчина?

– Не смейся! И не придирайся к словам! Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Он любит тебя, за это его можно простить.

– Не знаю. Наверное, можно. Только я не могу. Не умею. Не получается. Ну нет во мне этого рычажка, природой не предусмотрен. Мне или все, или ничего. Или семья, или не семья. А если уж семья, то… То это как родина, которую надо любить и от врагов защищать. И я именно так любила…

– Но ведь и Ваня – так. Просто он один раз ошибся. Но – любил… Я же видела, как он тебя любил. Я еще не совсем из ума выжила.

– Да, ты права, и Ваня любил. Но он оказался предателем родины. А предателей родины на войне сразу расстреливали – без всякого суда и следствия.

– Ты не на войне, Оля…

– Я на войне, бабушка. Я всегда на войне. Да ты же сама всегда меня учила держать оборону! Если оборону ослабишь

– затопчут, уничтожат. Забыла, что ли?

– Да. Я тебя учила. Но я тебя учила обороняться, а не нападать.

– Так и обороняюсь – от предательства!

– Нет, Оля, нет… Это не оборона. Это похоже на глупый демарш. Когда обороняться не от кого, а оборону все равно надо придумать. И Ваня твой не сапер, которому можно ошибиться только один раз. Он обыкновенный человек. Его надо простить, Ольга. Я бы на твоем месте простила.

– Ты? Ой, сомневаюсь! Ты бы на моем месте уж точно не простила!

– Ладно, что с тобой разговаривать… Совершенно бесполезное занятие, ты слышишь только себя и свою обиду. Пойдем лучше в дом, я чайник поставлю. Ну и характер у тебя, даже страшно иногда становится, оторопь берет…

– А чей у меня характер? Мамин или папин?

Не хотела спрашивать – само получилось. Опять нарушила табу. Бабушка посмотрела сердито и чуть испуганно, как всегда, когда она приставала с расспросами о родителях. И, как всегда, ничего не ответила. Проигнорировала, будто и не было никаких вопросов.

Вошли в дом. На кухне чистенько, как всегда. Ольга открыла холодильник, начала выкладывать продукты из пакетов. Бабушка нажала на кнопку электрического чайника, поставила на стол чашки, сахарницу, сухарики в вазочке.

– Хочешь, яичницу сделаю? – полуобернулась к Ольге.

– Нет, я бутербродами обойдусь.

– Бутерброды есть вредно. Надо внимательно следить за питанием, Ольга. Надо беречь здоровье смолоду.

– Да, бабушка. Я знаю. А еще – Волга впадает в Каспийское море. А лошади кушают овес и сено. Кажется, так у Чехова, да?

– Ты хочешь упрекнуть меня в банальности?

– Нет. Ни в чем я тебя не хочу упрекнуть. Я просто хочу понять… Ну почему, почему я не могу спросить ничего о своих родителях? Нет, правда? Что, есть какая-то в этом ужасная тайна? Ну, понятно, мой папа, он твой сын. А мама? Кто была моя мама? Она тебя обидела чем-то, да?

– Зачем тебе? Все равно их не воскресишь.

– Да, не воскресишь! Но я должна знать!

– И что ты конкретно хочешь знать? Что ты пристала ко мне вообще? Я старый человек, мне больно вспоминать былое. Не надо, прошу тебя, Ольга. Прекрати. Не придумывай себе ничего.

– Да что, что я должна придумывать? Если я вообще ничего не знаю?

– Прекрати, я сказала! Хватит! Не мучай меня! Садись лучше чай пить…

– Спасибо! Расхотелось!

Ольга хлопнула дверцей холодильника, ушла в гостиную, с досадой плюхнулась на диван. Нащупав под рукой телевизионный пульт, нажала на кнопку включения. Внутри все

клокотало обидой – да что ж это такое. Что ей, жалко, что ли? Больно ей былое вспоминать! Как будто речь о чужих людях идет, чтобы говорить о них – былое! Нет, почему она так?.. Самый близкий человек…

Экран телевизора вспыхнул, замелькали последние кадры любимого фильма «Тот самый Мюнхгаузен», снятого гениальным режиссером Марком Захаровым по сценарию гениального Григория Горина. В главной роли – гениальный Олег Янковский. Ольга усмехнулась грустно – как много гениев собралось в одном месте, просто невыносимо. Рвут сердце, бессовестные. Еще и гениальная музыка Рыбникова в конце… Совсем добивает. Нет, какая музыка! Одновременно примиряет с действительностью и затягивает слезную удавку на шее. И жить, жить под нее хочется, несмотря ни на что. И смотреть, как Янковский поднимается, поднимается вверх по лестнице… «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь! Я понял, в чем ваша беда, господа. Вы слишком серьезны. Умное лицо – это еще не признак ума. Все глупости на земле делаются именно с этим выражением лица…»

Нет, почему ей всегда хочется плакать, когда Янковский произносит эти слова? Не улыбаться, как того требуют гениальный артист и его герой, а именно плакать? Может, потому, что она как раз из тех, из очень серьезных, у которых всегда умное выражение лица? И которые делают глупые поступки? Нет, ну что она за человек, а? Где надо улыбаться, там ей хочется плакать… Если б она умела, непременно за-

плакала бы. Не все же умеют улыбаться. И как жить тем, кто все-таки слишком серьезен? У кого все-таки есть признаки ума и не обязательно на умном лице? Нет, бабушка в чем-то определенно права – относительно ее невыносимого характера. Даже сама с собой сладить не умеет.

Все, музыка кончилась, Янковский поднялся в небо. Первая злость ушла, на душе легче стало, надо идти мириться. И чаю в самом деле хочется. И бутербродов…

Дальше день покатился своим чередом. Прополка грядок на огороде, мытье полов в доме, поздний обед. Бабушка приготовила рассольник, ее любимый. После обеда хотела сходить искупаться, да поленилась. К вечеру засобиралась уезжать.

– Ночевала бы, Оль.

– Нет, бабушка. Сегодня Польке позвоню, может, завтра к ней съезжу. Соскучилась.

– Передавай от меня привет. Скажи, я тоже соскучилась.

– Хорошо, передам. Может, как-нибудь вместе к тебе приедем.

– Да, было бы замечательно. А то умру и правнучку не увижу.

– А ты не умирай. Еще и с праправнуком Польке поможешь. Читать его научишь, писать грамотно. Ты ж у нас какникак заслуженная словесница!

– Боже, как я долго живу… Говорят, нынче редкая удача – увидеть своих правнуков. А я, вон, до праправнука умудри-

лась дожить. Правда, устаю сильно в последнее время. Прежней бодрости нет и свежести в голове тоже нет.

– Ба, какая свежесть?.. Мне сорок лет, и у меня давно в голове никакой свежести…

– Не говори ерунды, Ольга. Никогда не понимала этих твоих шуток. Я тебя провожать не пойду, ладно? Сама ворота закроешь?

– Конечно, бабушка.

Ольга выехала со двора, выскочила из машины, чтобы закрыть ворота. Уже садясь обратно в машину, услышала вдруг:

– Олька, Оль!

Огляделась… Никого. Улица совершенно пустая.

– Да сюда гляди, Олька! Это я тебя зову!

Поверх соседского забора показалась лохматая голова Наташки, бывшей одноклассницы. Наташка вытянула шею, повертела головой, оглядывая улицу.

– Ты чего, в шпионов играешь? – рассмеялась Ольга, глядя на нее с удивлением. – Привет, Наташк.

– Привет, привет. Ну, чего встала? Иди сюда, дело на сто рублей есть.

– Да я уезжаю, Наташ. Может, в другой раз?

– Да говорю тебе, зайди! Трудно в калитку шагнуть, что ли?

– Это же у тебя ко мне дело, ты и выходи.

– Да я не могу, Оль. Я голая.

– Че-го?..

– Ну, в смысле, воздушные ванны принимаю. Для кожи полезно. А дело больше тебя касается, чем меня. Спрашивали о тебе тут… Интересовались…

– Кто спрашивал?

– А ты зайди, я расскажу.

– Ладно, сейчас…

Открыв калитку, Ольга ступила в чужой двор, пробралась меж кустов шиповника в заросший молодыми лопухами палисадник. Наташка и впрямь принимала воздушные ванны – валялась во всей своей кустодиевской прелести на старой раскладушке, покрытой лоскутным одеялом. Картину дополняли буйно цветущие об эту пору пионы вдоль забора, у Ольги даже в глазах зарябило от буйства красок на фоне бело-розовой Наташкиной плоти.

– Ну, чего застыла? – прикрикнула на нее Наташка. – Садись на травку, не стесняйся. Или обзелениться боишься? Так давай я тебе свое одеяло брошу…

– Нет, не надо, – торопливо отказалась Ольга, осторожно присаживаясь на траву рядом с Наташкиной раскладушкой. И не удержалась от комментария: – Ну и разнесло тебя, Наташ… На диету пора садиться.

– Ага, щас! Меня мой мужик и с телесами любит. А может, наоборот, за телеса и любит, я у него не уточняла. Да и вообще – не в тему… Я чего хочу рассказать-то, Ольк. Искал тут тебя парень какой-то. Ничего, симпатичный такой.

Рыжеватый, синеглазенький. Кто это, Ольк?

– Ты у меня спрашиваешь? Понятия не имею!

– Да я просто узнать хотела – нашел он тебя или нет? Я ж это… Адрес твоей электронной почты ему дала. Помнишь, ты мне его оставляла? Ну, на всякий случай, мол? Вдруг мобильная связь пропадет, чтобы через меня с бабушкой связываться? Я с тех пор аккуратно в электронную почту заглядываю, как и договаривались! Хоть связь у нас ни разу не пропадала.

– Да помню, помню. Спасибо, Наташ. А только зачем ты ему дала адрес моей почты? Что он вообще хотел?

– Не знаю. Он это… Вроде как с вопросами к Елизавете Максимовне сунулся, а та его отшила. Я слышала через забор, как она на него шипела – уходите, мол, отсюда, молодой человек… Знать ничего не хочу… Он потом вышел, прошелся по нашей улице туда-сюда. Грустный такой, задумчивый. А я как раз у забора была, встретились с ним глазами, вот как с тобой давеча. Ну, он и стал у меня спрашивать. То да се. Проживает ли, мол, по этому адресу Ольга Викторовна Стрелкова…

– А ты что? Все ему сразу и выложила?

– Ну, не все, допустим. Что я, не понимаю, что ли? Нет, я тоже осторожно с ним говорила, все вокруг да около. Да, говорю, проживала тут когда-то Ольга Стрелкова. А только она, говорю, не Стрелкова нынче, а Ромашкина. И проживает не здесь, а в городе, уж больше двадцати лет. Ну, он обра-

довался вроде. Глаза сразу так вспыхнули.

– Да кто он, Наташ?

– А я знаю? Он не представился. Как начал адрес твой городской просить, я сразу его и отшила. Еще чего, говорю! А может, говорю, вы маньяк или мошенник какой? Дай вам адрес, потом неприятностей не оберешься. И не дала, Оль. Ни адреса, ни телефона. Вот, только электронную почту… А что такого, думаю? С электронной-то почты, если он маньяк, до твоего тела никак не доберется.

– Понятно…

– Оль, и что? Написал он тебе или нет? Я подумала – может, тайный воздыхатель какой. А может, это судьба твоя? Не дай ниточку, и не случится ничего.

– Ладно, Наташа, я все поняла, спасибо. Значит, к бабушке, говоришь, заходил?

– Ты не ответила! Написал или нет?

– Наташ, умерь свое любопытство. Никто мне ничего не писал.

– Значит, все-таки мошенник. Или маньяк… Хорошо, что я ему адреса не дала. И все-таки, Оль, странная какая-то история.

– Да, странная. Ладно, Наташк, пойду я. Мне ехать пора.

– Что ж, счастливо… – немного разочарованно пропела Наташка, приподнимаясь на локтях и оглядывая Ольгу с головы до ног. И не удержалась от завистливого комментария: – Ишь, какая ты в свои сорок ладненькая, Ольк. Фигу-

ра, как у девчонки. Не жрешь, наверное, ничего. А я так не могу… У меня от слова «диета» сразу колотье в желудке начинается. А с другой стороны – и ладно, думаю. Какая есть, такая и есть.

– Да. Правильно ты все говоришь, какая есть, такая и есть. Пока, Наташ.

– Пока, Ольк… И не переживай, за Елизаветой Максимовной я поглядываю. Если что – сразу тебе сигнализирую, по всем фронтам. Как и договаривались.

– Спасибо…

Всю дорогу до дома Ольга думала о разговоре с Наташкой. Сопоставляла, прикидывала, собиралась с мыслями. На душе было тревожно и щекотно, как перед прыжком с высоты в холодную воду. Когда открыла дверь съемной квартиры, решение дозрело в голове окончательно. Не снимая кроссовок, шагнула к ноутбуку, вошла в почту, выудила из «корзины» давешнее письмо. Так, вот он, телефонный номер… Как бишь тебя? Геннадий?

Длинный гудок оборвался мужским голосом:

– Да! Слушаю!

– Здравствуйте. Это Геннадий?

– Да!

– А я Ольга. Вы просили позвонить.

– Да? То есть да, конечно… Спасибо… А вы… Вы сейчас где, Ольга?

– Это так важно?

– Извините, я очень волнуюсь…

– Да вы не волнуйтесь, Геннадий. Так что вы хотели мне объяснить? Кто там кому брат и сестра?

– Вообще, хотелось бы встретиться, конечно…

– Да. Я не против. Но на нейтральной территории. Вы знаете кафе «Лестница» на Первомайской улице?

– Да, знаю.

– Давайте там. Сегодня, в девять часов. Вас устроит?

– Вполне.

– Тогда до встречи?

– Погодите, Ольга! А как я вас узнаю?

– Хм… Ну, наверное, братским сердцем почувствуете… – нервно хохотнула она, жалея, что ввязалась в эту историю. – Вы же так яростно навязываете мне родственные отношения. Вам и карты в руки.

– Хорошо. Я постараюсь, – задумчиво ответил Геннадий, не отреагировав на ее смешливый тон. – Жду к восьми.

– Я же сказала, к девяти!

– Ой, извините… Волнуюсь, все перепутал. Да, жду к девяти.

– Ждите, ждите. До встречи, Геннадий.

Нажала на кнопку отбоя, выдохнула нервно – уфф… Господи, куда она вляпалась? Зачем?

Ладно, посмотрим. Лучше, как говорится, вляпаться и пережить, чем сожалеть, что не вляпалась. А время-то, между прочим, восемь часов. Может, что-то нарядное на себя на-

пялить? Платьице, туфельки? Кафе вроде приличное. Хотя – какое платьице! На свидание, что ли, собралась?

В зал кафе она вошла ровно в девять, огляделась тревожно. Да, все столики заняты. И как она узнает этого Геннадия? Или он ее? Не надо было ей по телефону воображать-то, а дать на себя правильную наводку – ищите, мол, по цвету волос, как у Афродиты.

Подумалось вдруг – если у этого Геннадия волосы тоже кудрявые бело-светящиеся, значит… И застучало сердце. Быстро-быстро. И снова огляделась тревожно.

Не было в зале кудрявых и бело-светящихся. Хоть убей. Зато от дальнего столика поднялся молодой крепкий мужик в клетчатой рубахе, пошел ей навстречу. Глаза синие пронзительные, конопушки на лице, волосы… Ой, а волосы рыжие. Рыжий ежик на голове. Вот так вам. Приехали.

– Вы Ольга?

– Да. А вы, стало быть…

– А я Геннадий. Можно просто Гена. Ужинать будете, Ольга? Я столик занял.

– Нет, ужинать я не хочу. Я кофе хочу. И стакан минералки без газа.

– О'кей… Идемте.

Села за столик, тут же подскочила улыбчивая официантка, приняла заказ. Геннадий смотрел на нее внимательно, улыбался. Хотя видно было за этой улыбкой, как он напряжен. Как стесняется.

– Вы все еще волнуетесь, Геннадий?

– Нет. Уже не волнуюсь. Вот увидел вас – и больше не волнуюсь.

– Хорошо. А как вы думаете, воду и кофе быстро принесут? У меня что-то в горле пересохло. Видимо, пришла моя очередь волноваться.

– Я думаю, скоро принесут. Здесь хороший кофе делают, Ольга. Мы с женой как-то были, нам понравилось. И кормят вкусно.

– Да, я знаю. Я тоже здесь бывала. С мужем.

Замолчали. Смотрели друг на друга настороженно. Ольга первая не выдержала:

– Послушайте, Геннадий…

– Можно просто Гена. И давайте на «ты», пожалуйста. А то как-то… Неловко получается. Чего мы выкать друг другу будем?

– Хорошо, пусть будет просто Гена… Послушай, Гена. Во-первых, давай не будем ходить вокруг да около. Выложи мне все четко, по пунктам… Причем по доказательным пунктам, откуда ты взял… С чего ты решил… Ведь есть у тебя какие-то основания, Гена? Ну, что я… Что ты…

Она и сама удивлялась своему волнению и многословию. Вдруг ощутила, как взмокли ладони, вытерла их под столом о джинсы. Еще и голос сел, как после выкуренной сигареты. Может, и впрямь покурить, а? Иногда можно, в экстренных случаях.

– Ген, у тебя сигареты нет?

– Я не курю. Да вы… Да ты не волнуйся так, Ольга, я сейчас все, как ты говоришь, по пунктам разложу. И с доказательствами.

– Да уж, пожалуйста.

Официантка принесла заказ, и Ольга жадно припала к стакану с водой, сделала несколько больших глотков. Потом отхлебнула кофе. Сразу стало легче. А кофе и впрямь здесь хороший.

– Вот, смотри! Вот мои доказательства.

Гена торжественно положил перед ней жухлый конверт с обтрепавшимися уголками, подвинул ближе:

– На, читай.

– Что это? – Она взяла в руки «доказательство», повертела в руках, осторожно поднесла к глазам. – Письмо какое-то…

– Да, письмо. Письмо моей матери к моему отцу. Но погоди пока, не читай, а то тебе непонятно будет. Я в двух словах предысторию расскажу.

– Что ж, валяй предысторию.

– Так. Так… С чего бы начать-то?

– Да хоть с чего. Мы ведь никуда не торопимся, я так понимаю?

– Да… То есть нет, не торопимся… Тогда я с родителей начну. В общем, мой отец очень любил мою мать. И вроде она его любила. Все, как обычно, встретились, поженились, оба молодые совсем. Через год я родился. Прожили еще пять

лет, ни сном ни духом. То есть, наоборот, как во сне. Счастливо то есть. А потом она вдруг исчезла, представляешь? Вышла вечером в магазин за хлебом и исчезла. Ну, отец в поиски бросился, то-се. В милицию побежал. А только не нашли ее. Так часто бывает, люди пропадают бесследно. Но отец все равно на чудо надеялся, все равно искал и ждал. А через полгода письмо в почтовый ящик кто-то бросил. Вот это самое письмо, – показал Гена на конверт в ее руках. – Оказалось, от нее, от моей мамы. Я помню, как отец его читал. Руки тряслись, дышал тяжело, со свистом, будто с рыданием. Он очень ее любил. Сейчас понимаю, как сильно он ее любил…

– А она что, так и не объявилась? И даже после письма?

– Не-а. Но отец все равно ее искал. И ждал. Целых четыре года ждал. Мне девять лет было, когда он с Натальей, с мачехой моей, сошелся. Люди его уговорили. Мол, Генке женская забота и ласка нужны. Я поначалу ее плохо принял, тоже мамку ждал. Я ж ее помнил! Мне пять лет было, когда она… Ну, того… Бросила нас. Так и жили… Ну, в общем, вся эта бодяга тебе не интересна. Я не о том хотел сказать…

– А отец жив сейчас?

– Нет. Умер два года назад. Всего пятьдесят девять было мужику, представляешь? Месяц до юбилея не дожил. Мы с женой начали ремонт в квартире недавно делать, и вот, я нашел в старых документах это самое письмо… Теперь читай, там и про тебя тоже написано!

– Про меня?!

– Да ты читай, читай!

Ольга снова взяла конверт в руки, прочитала неуверенно:

– Тут написано – Василию Васнецову… Кто это?

– Это мой отец, Василий Васнецов. А я, стало быть, Геннадий Васильевич Васнецов. Да читай, читай. Доставай письмо.

Письмо оказалось тоже старым, обтрепавшимся на сгибах. Двойной листочек, вырванный из тетрадки в клеточку. И почерк неровный, корявый, будто маленький ребенок писал.

– «Дорогой любимый мой Васенька и сынок Генаша…» – начала читать вслух и запнулась, глянула на Геннадия неуверенно.

– Нет, первую страницу не читай, не надо… Тут она рассказывает, как сильно отца любит, как меня любит… Вот отсюда читай, со второй страницы.

– Отсюда? – показала пальцем, развернув листок.

– Да…

– Вслух читать?

– Как хочешь. Можно и вслух.

– «…Так и выходит, что недостойная я твоей любви, Васенька… – прочитала Ольга и хмыкнула от неловкости. Снова глянула на Геннадия, но тот молчал. Ольга пожала плечами, принялась читать дальше, с трудом разбирая корявый почерк и запинаясь на ужасной орфографии: – …И сыночка я своего недостойная… Сволочуга я и обманщица, а не жена

и не мать. Так уж вышло в моей жизни, прости. Не ищи меня больше, не надо. Иначе плохо мне сделаешь. Да мне-то ладно, я к плохому уже привыкшая. Боюсь, кабы тебе из-за меня плохо не было и Генаше тоже. Люби его, Васенька. Женись на доброй женщине, чтоб за мать ему была. А про меня забудь. Так надо, что ж, не от меня зависит. Прости, всего тебе рассказать не могу, просто поверь мне, и все. Будет у тебя еще счастье, а я тебя недостойная, как есть, уж поверь мне. Вот пишу сейчас и слезами уливаюсь. Не знаешь ты обо мне ничего, Васенька. Думал, на порядочной девушке женился, а я никакая не порядочная, обманула я тебя крепко. Я самая распоследняя дрянь, об каких добрые люди ноги вытирать брезгуют. Я ведь одного ребеночка уже бросила, Васенька, так моя жизнь повернулась несчастьем. Родила и в роддоме бросила. Девочка, ее Олей назвали. Красивенькая получилась, беленькая. А фамилия у нее – Стрелкова. Одна добрая женщина ее себе взяла, как внучку воспитывает. А сын ее, Витя Стрелков, меня от погибели спас, можно сказать. Да лучше и не спасал бы, зачем мне такой на свете жить? В селе Сосновском та женщина живет, на улице Озерной, дом пять. Потом скажи адрес Генаше, когда он подрастет, пусть знает, что у него сестра есть. Или не говори… Как решишь, так и правильно будет. Может, не стоит Генаше знать, какая у него мать была. Вот такая я пропащая и есть, любимый мой Васенька. Не жалей обо мне, недостойная я тебя. Жалко, что всего рассказать не могу, да и не надо тебе всего знать, Ва-

сенька. Забудь меня. И Генашу люби…»

Ольга втянула в себя воздух, отбросила письмо. Все, невыносимо дальше читать. Отчего-то ужасно внутри холодно стало. И неуютно. И мерзко. Нет, чувствовала же – не надо связываться…

– И что? – спросила с вызовом, глянув на застывшего Геннадия. – Что ты от меня хочешь?

– Да ничего, в общем… – жалко улыбнулся тот, пожав плечами. – Я поехал по адресу, хотел тебя найти…

– Ну, нашел. И что дальше?

– Я не знаю, что дальше. Думал, по обстоятельствам. Вообще-то я бы хотел ее разыскать…

– Кого?

– Мать.

– Ну, так ищи. Флаг тебе в руки. Я-то тут при чем?

– Я думал, мы вместе… Нашу мать будем искать.

– Она мне не мать. Какая, на хрен, мать, если в роддоме бросила? Сама же пишет…

– Ну, ладно, допустим. Но я-то тебя нигде не бросал. Я-то тебе брат, получается. А ты мне сестра.

– А тебе от этого легче?

– Ну да, в общем… Как-то так…

– А зачем это тебе, в принципе? Как это изменит твою жизнь? Мы же первый раз друг друга видим, чужие люди, если по сути.

– Не знаю, Оль. Говорят, кровь не вода. Не знаю.

– Ой, только не надо вот этого, прошу тебя… Сантиментов этих сопливых не надо.

– Ладно, не буду. Прости. Тогда я один ее искать буду. У меня к ней никаких обид нет. Я ж ее помню… И руки ее помню, и голос… Она хорошая, Оль. Она очень добрая.

– Ага. Наидобрейшая прям. Двоих детей бросила. Мать-героиня.

– Ну и что… Все равно… Мы же не знаем всего, что с ней было.

– Ой, было, не было, быльем поросло! Знаешь, что я тебе скажу, дорогой мой брат Гена? Брось ты это гиблое дело. Ну, случилось так, как случилось. Тебя мачеха вырастила, меня моя бабушка, и надо им за это спасибо сказать, их надо благодарить за доброту и сердечность. А черную кошку в темной комнате искать не надо, особенно когда ее там нет.

– Ну почему же – нет… Где-то есть, наверное… Она же наша мать, Оль. А мы ее дети. И этим все сказано.

Гена вздохнул тяжело, замолчал, неловко повертел в руках кофейную чашку. Какой он… Несуразный немного. Но видно, что добрый парень.

– Сколько тебе лет, Ген?

– Тридцать семь.

– М-м-м… Выходит, я тебя на три года старше. Разница небольшая. Значит, она меня родила, тут же бросила, вскорости замуж за твоего отца выскочила, тебя родила. Весело у нее все, однако.

– Да не надо так, Оль… Не нам судить.

– А кому?

– Да никому. Давай не будем об этом. Давай о нас…

– Давай.

– Выходит, ты моя старшая сестра… Знаешь, звучит странно. На язык не ложится.

– И мне… Тоже на язык не ложится – младший брат… И тем не менее, Ген. Послушайся моего совета. Не надо… Ни к чему хорошему твои поиски не приведут. Только сердце себе разорвешь, и все.

– Да почему?!

– Да потому!

Ольга еще помолчала немного, потом заговорила тихо, грустно:

– Знаешь, Ген… Я когда смотрю, к примеру, всякие передачи по телевизору, где… Ну, ты понимаешь… Где эти самые сцены показывают – встречи взрослых детей с бросившими их матерями… И я честно тебе признаюсь – я ничего, кроме стыда, не испытываю. Противно смотреть, как несчастная, обмызганная жизнью матерешка, с трудом перед съемками приведя себя в божеский трезвый вид, обнимает за шею обморочно дрожащего детину и шепчет ему трогательно на ушко: «Прости меня, сынок, прости». Очень противно смотреть. Стыдно. Мне – стыдно. За них за всех. И за мать, и за несчастного детину, и за тех, кто это зверство телевизионное за бабло устраивает. И ты так же хочешь, да?

Может, ты и сюда оператора привел, а? Внимание, вас снимает скрытая камера?

Гена отпрянул испуганно, вжался в спинку стула. Моргнул, проговорил тихо:

– Оль, ты чего?

– Да ничего! Все, хватит, поговорили. Я пойду, Ген…

Достав из кошелька тысячную бумажку, бросила ее на стол, добавила сердито:

– Это за кофе. Прости, если грубо. Но мне так легче.

– Ну и характерец у тебя, сестрица.

– Какой уж есть. Ладно, пока. Приятно было познакомиться. Счастья тебе, Гена.

– И тебе, Оля…

Уже выйдя из кафе и садясь в машину, подумала запоздало – чего она с ним так? Брат все же. Надо было как-то помягче. Или хотя бы проститься поласковее. А с другой стороны – ладно, пусть… Не возвращаться же обратно. Долгие прощания, лишние слезы. Да и какие могут быть слезы? Чужие по сути люди, первый раз видят друг друга… И последний, стало быть.

Всю ночь она не спала, пялилась в освещенный блеклым светом ночника потолок. Воспроизводила в памяти строчки из письма, вспоминала свое детство. И бабушку… И мучилась вопросами. И не находила ответов.

Вставала, открывала окно, курила, пила воду, снова ложилась. Пошуровала в аптечке в поисках снотворного, не на-

шла. Выпила жалкие остатки виски, болтавшиеся на дне бутылки в холодильнике. Еще хуже стало. Ни туда и ни сюда. Только голова разболелась.

Едва дождавшись утра, позвонила бабушке. Знала, она рано просыпается.

Та ответила в трубку бодрым голосом:

– Да, Оля, доброе утро.

– Бабушка, скажи… Моя мать жива? – сразу огорошила вопросом.

Молчание. Казалось, она видит в этот момент бабушкино лицо. Губы сжаты в полоску, голова опущена вниз, пальцы теребят пуговицу на блузке.

– Бабушка, почему ты молчишь? Я знаю, что она жива. Так получилось, что я знаю. К тебе недавно приходил ее сын, да? Ты его выгнала.

– Что ж, Оля… Если так, то что ж. Приезжай, поговорим.

– Да, бабушка. Я еду. Мне только умыться и одеться…

Через полтора часа она уже сидела напротив бабушки за кухонным столом, держалась за чашку с чаем, как за соломинку. И боялась отчаянно. Боялась первая заговорить. Но бабушка заговорила сама…

– Послушай меня, Ольга. Я и в самом деле не понимаю, зачем тебе это нужно. Оставь все как есть, пожалуйста. Иногда незнание бывает лучше, чем самое достоверное знание, поверь мне. Это как раз тот случай…

– Нет, бабушка, нет. В нашем с тобой случае незнание –

это вранье. А ты меня учила никогда и никому не врать, помнишь? И мне про себя говорила: «Я никого никогда не обманываю»… Я хочу знать, бабушка. Я не умею жить во вранье, это не моя органика. Мне плохо во вранье. Я хочу знать всю правду.

– Нет, не понимаю зачем… Тебе это ничего хорошего не даст…

– Да мне и не надо. Скажи, твой сын Виктор… Тот, что на портрете… Он мне отец или нет?

– Оля! Оля, не надо…

– Так отец или нет? Пожалуйста, бабушка…

– Ну что ж… Ладно. Нет, он тебе не отец.

– А кто?

– Никто… Дело в том, что он не мог быть тебе отцом. Он тогда уже никому не мог быть отцом, мой Витенька… С тех пор, как… Как… Ох, Ольга, Ольга. Ну зачем ты… Говорила тебе – не надо ворошить прошлое…

Бабушка тяжело поднялась со стула, вышла из кухни. Вскоре из гостиной раздался ее глухой голос:

– Иди сюда…

Не выпуская чашки из рук, Ольга пришла в гостиную. Бабушка сидела на диване, глядела в утреннее окно. Вытянув сморщенную и слегка дрожащую ладонь в сторону стоящего в углу кресла, проговорила тускло:

– Садись, Ольга. Садись и слушай. Только не перебивай меня и не торопи, мне очень трудно.

– Да, конечно, бабушка.

– Значит, ты родилась в семьдесят четвертом. И мой сын Витя тоже умер в семьдесят четвертом…

* * *

– …Так, значит… Вы у нас кто? Вы у нас мать Виктора Стрелкова, значит… Понятненько…

Военком «Петренко А. М.», как успела прочитать Елизавета Максимовна на красной дверной табличке, почесал тупым концом карандаша висок, подтянул к себе желтую папку с завязками, огладил ее пухлой ладонью. Она слегка подалась корпусом вперед, от волнения вцепившись в ручку портфеля. Портфель был пухлым, едва умещался на коленях. Сегодня седьмые и девятые классы сочинение писали, последнее в этом году. Хотела еще в школе проверить, но пришлось домой забрать. Когда из военкомата позвонили – какие уж тут проверки. Подхватилась в один миг, бежала всю дорогу, ног под собой не чуя, досадуя на тяжелый портфель.

– Ой, не мучайте меня, ради бога, – проговорила одышливо, со страхом глядя на военкома Петренко А. М. – Вы же по телефону ничего не объяснили. Что с моим сыном? Он… жив?

– Да жив, жив… Жив пока.

– Что значит – пока?!

– Тихо, не надо нервничать… – Открыв папочку, военком

глянул мельком в какую-то бумагу, снова закрыл ее быстро. – Не надо нервничать, Елизавета Максимовна. Сейчас я вам все подробненько расскажу. Ну, в пределах дозволенного, конечно.

– Да уж, пожалуйста. Прошу вас.

– Хорошего сына вы вырастили, уважаемая гражданка Стрелкова Елизавета Максимовна, командование выражает вам благодарность. Там, в деле, даже бумага такая есть. Я потом отдам вам под роспись.

– Спасибо, конечно… Но… Вы только за этим сюда меня вызвали?

– Нет. Нет, конечно. Я, собственно… Я должен вам сообщить… Вернее, уполномочен… В общем, на подводной лодке, где служил ваш сын Стрелков Виктор Алексеевич, произошла авария. Он большую дозу схватил, сейчас в госпитале лежит в Мурманске.

– Простите, не поняла… Какую дозу? Вы говорите проще, а то у меня от волнения вербальное восприятие нарушено.

– Какое, не понял, восприятие?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.